

Приезд в имение Али. Первые впечатления и встречи первого дня

Долго, очень долго странствовали мы с И., пока добрались до Индии. И. часто делал длительные остановки, желая дать нам не только отдых, но и предоставить все возможности понаблюдать жизнь народов и подсмотреть их нравы и обычаи.

Делая крюк за крюком, руководясь отчасти и своими делами, а чаще всего стремясь расширить «мои университеты», он привез меня в Багдад. Смеясь, он уверял меня, что мне необходимо понять прелесть реального Багдада, а не судить о нем только по сладким пирогам.

Наше путешествие, длившееся несколько месяцев, благодаря ежедневному влиянию и заботам И. не только закалило мое здоровье, но изменило мой характер. Я почти перестал становиться Левушкой-лови ворон, внимание мое стало дисциплинированным, и — я не знаю сам, как это случилось, — я больше не впадал в раздражение.

Рассказать обо всех чудесах, что довелось мне видеть, так же невозможно, как невозможно отразить в одной статуе всю сложную мысль, как жизнь современной эпохи народов. Могу сказать только, что, как ни готовил меня И. к тому, что я увижу в Индии, она меня поразила сильнее всех чудес, которые нам пришлось увидеть за долгое путешествие. Я знал, что мы едем к подножию Гималаев, знал, что имение Али расположено в прекрасной и живописной долине, но я никак не ожидал, в какую волшебную красоту мы попадем.

Судя по тем домикам друзей И., в которых мы останавливались, я думал найти и в имении Али такой же маленький чистенький коттедж, снабженный единственным очагом и необходимой для жизни утварью. Как и во многом другом, здесь меня ждало разочарование. Дом в имении Али был прекрасный, из белого, похожего на мрамор

камня, с многочисленными колоннами, с комнатами, изолированными друг от друга.

Нас с И. ждали две чудесные комнаты в верхнем этаже с балконами. И когда я вышел на свой балкон, открывшийся с него вид так меня поразил, что я все забыл и, разумеется, превратился в прежнего Левушку и «ловиворонил» до тех пор, пока солнце не закатилось за горы. А я все стоял, забыв обо всем.

Привела меня в себя мягко опустившаяся мне на плечо рука И. Ах, как он был прекрасен! Я еще никогда не видел его таким чудно красивым, каким он стоял сейчас передо мной: в хитоне оранжевого цвета; волосы его слегка отросли и спускались короткими локонами, а топазные глаза могли поспорить со звездами Ананды.

Я хотел закричать ему: «Как вы чудно прекрасны, И!» — но не мог выговорить ни слова. В первый раз я почувствовал, как он высок, необычайно выше всего простого человеческого, мой дорогой друг. Чувство благоговения, благодарности за все, что он для меня сделал, преданность и верность ему захватили меня. Я молча смотрел на него. Он понял мои чувства и, ласково улыбаясь, сказал мне:

— Я не тревожил тебя, Левушка, потому что знал, как действует на человека этот дом и этот вид из него, когда его видят впервые. Но сейчас наступит вечер, который здесь спускается сразу. Мы должны вовремя поспеть к ужину. Пойдем, я покажу тебе, где ванна и душ, познакомлю тебя с управляющим домом и со слугой, который будет у нас с тобой общим. Ты можешь надеть индусское платье, какое здесь носят все, или остаться европейцем, если тебе это больше нравится. Но точно являться к трапезам — это единственное правило, соблюдаемое всеми в большой строгости. Не беспокойся, ты поспеешь, — улыбнулся И., прочтя на моем лице опасение опоздать.

Мы прошли к управляющему домом, одетому также в белую индусскую одежду и, судя по лицу, бывшему типичным туземцем. Он был красив, еще молод, тонок и гибок. Продолговатое лицо, темное от загара, темная бородка-эспаньолка, темные глаза и белый тюрбан на голове. На мое приветствие он ответил

по-английски, но с сильным акцентом и певуче. Голос его был мелодичен и мягок; взгляд добрый, но пристальный и внимательный, как будто бы он старался меня запомнить, что-то во мне изучить и понять. Но мне некогда было об этом раздумывать, я запомнил только, что звали его Кастанда. Меня очень поразило это имя, но тут же я вспомнил о ванной и помчался в нее с одной мыслью: скорее вернута к И.

Меня ждали сюрприз за сюрпризом. Я думал увидеть какую-либо самодельную умывалку, вроде тех, что встречались нам по пути. Чаще всего просто огороженное в саду место с душем из нагретой солнцем воды. И попал в отличную ванную комнату с полом и стенами из плиток, с неограниченным количеством теплой и холодной воды, лившейся из водопроводных кранов. К довершению моего удивления, не успев я раздеться, он заявил, что прислан Кастандой помочь мне. Добродушно улыбаясь, он окатил меня из какого-то кувшина чем-то теплым, оказавшимся жидким душистым мылом. В мгновение ока он растер меня всего мягкой мочалкой, подвел под душ, а затем завладел моей головой, так что мне оставалось только закрыть лицо руками.

Отфыркиваясь и не решаясь открыть глаза, я шел за слугой, который тащил меня из-под душа куда-то настойчиво и очень осторожно.

— Садитесь теперь в ванну, монсье Леон, — услышал я по-французски. Я готов был ко всему. Но, услышав от китайца, который только что объяснялся со мной на плохом английском, французскую речь, я не выдержал и так расхохотался, что открыл глаза и напустил в них мыла.

Бросившись в прекрасную ванну такого же белого камня, как дом, я тер глаза и продолжал хохотать.

— Вот Али-молодой говорила, что монсье Леон — очень веселая особа, — снова услышал я голос слуги.

— Разве вы знаете Али-молодого? — удивился я.

— Как же не знать? Я вырастил Али-молодого. Он и послал меня сюда для вас и брата И. И сам он придет сюда. Тогда у меня будет три господина, — преуморительно коверкая слова, отвечал слуга.

Выскочить из ванны, растереться и одеться в костюм, который был уже мне знаком, было делом одной минуты. Сердечно поблагодарив китайца за помощь, я спросил, как его имя. Он немного замялся и ответил:

— Как имя — это другое дело. Вы зовите меня Ясса — так зовет меня Али-молодой и зовут все здесь.

— Я буду звать вас Ясса, но с тем, чтобы вы звали меня просто Левушка, как меня зовет Али-молодой и как будут звать все здесь.

Китаец рассмеялся и сказал:

— Будет так, если И. велит.

— Велит, велит, можете быть уверены.

И я бросился было бежать к И., но понесся в совершенно противоположную сторону и только с помощью все того же Яссы нашел И. в его комнате в беседе с Кастандой.

— Я не опоздал, И.? — весело воскликнул я, вбегая в комнату.

— Еще только через четверть часа будет гонг, — ответил мне Кастанда. — Не удивляйтесь, пожалуйста, если ваш и И. приборы будут украшены цветами. Али Мохаммед, наш дорогой хозяин, предупредил нас о приезде его друзей. И каждый из живущих здесь сейчас пожелал выразить чем-нибудь свой привет вновь прибывшим гостям. Сам же Али-старший приветствует вас подарками, которые вы также найдете на своих приборах.

Кастанда нас покинул, и И. сказал мне:

— В столовой, как и здесь, царит простота, Левушка. Но это не значит, что человек лишен комфорта. Сейчас у тебя ослеплены глаза. Ты рассеялся и не знаешь, куда и на что смотреть. Завтра ты лучше рассмотришь окружающее тебя. Мы пойдем сейчас ужинать, не смущайся большим числом незнакомых тебе людей. Ты встретишь немало и женщин.

У меня сжалось сердце. Точно живая, пронеслась перед моими глазами Анна.

О, как остро я почувствовал ее горе в эту минуту. Она могла быть здесь с нами. Ананда сам мог привезти ее сюда, и вот одно мгновение сомнений и ревности — и все пропало.

— Анна не безвозвратно отошла, — тихо и ласково сказал мне И. — Она укрепитя и будет здесь. Ее бури ревнивых сил не вспыхнут больше. Но будет она здесь только тогда, когда сюда придет и дочь Али — Наль, со своим мужем, твоим братом. К этому времени Али сам привезет сюда Анну. Не тоскуй о ней. Помогай ей мыслями радостной любви. Посылай ей каждое утро и каждый вечер помощь бодрости и мужества. Ничем более активным ты в данную минуту ей помочь не можешь. Но ты не думай, что это так мало. Это очень большая помощь. Ежедневная радостная мысль о человеке равняется постройке рельс для молниеносного моста, на котором можно научиться встречаться мыслями с тем человеком, о котором будешь радостно, чисто, пристально и постоянно думать.

Ударил гонг. И., как всегда угадавший мое смущение, взял меня под руку, и мы сошли вниз. Уже было почти темно, очень тепло, почти жарко. Зал, называвшийся столовой, был ярко освещен, к моему удивлению, электричеством. Несколько дверей в нем были настежь открыты, окна были завешены мокрой кисеей, и под потолком вращались десятки огромных вееров, создававших прохладный ветерок. Но все же было душно.

Я понял, насколько я окреп. Я не мог бы вынести ни минуты такой жары раньше. Перед этой жарой духота Константинополя казалась шуткой. Несколько месяцев тому назад я немедленно упал бы в обморок, а сейчас мне было просто душно. Мой индусский костюм и сандалии на босу ногу очень мне помогли.

Мы вошли одними из первых. Кастанда сейчас же подошел к нам и проводил к нашим местам. Они оказались за крайним столом, на котором было много приборов, как и на других столах. Многие из входивших приветствовали И. как старого знакомого. Некоторые кланялись нам обоим издали как вновь прибывшим друзьям. Здесь все, очевидно, были знакомы друг с другом и никто никого не стеснялся.

Когда все заняли места за столами, на каждый стол стали подавать кушанья очень своеобразным порядком. На небольших, очень пропорциональных и красивых столиках, которые катили слуги, стояли

миски и блюда, и каждый брал себе то, что хотел и сколько хотел. Такие катящиеся столики свободно проходили между обеденными столами. Наш стол был крайним к окнам, и тележку прикатили к нам со стороны окна.

И. предложил мне выбрать блюда для него и себя, а я не мог решить, что и как здесь едят. Заметив на одном из блюд салат из помидоров, на другом картофель, на третьем цветную капусту, я принялся снабжать ими И., как вдруг увидел чудесную дыню. Вспомнив, что «мудрец без дыни невозможен», я уже хотел положить туда и дыню, но И., смеясь, сказал:

— Тележка-стол, Левушка, опять приедет, как только мы с тобой справимся с овощами. Обрати лучше внимание на цветы, которые перед тобой, и еще кое на что. Быть может, привет Али тебя тронет.

Я стал рассматривать цветы и увидел, что передо мной в высокой зеленой вазе стояла белая лилия. Очевидно, у Али и здесь были оранжереи. Но я положительно не мог ни на чем сосредоточиться. Сколько передо мной было лиц — мужских, женских, молодых, средних и старых, — и каких лиц! Мне хотелось их хотя бы вскользь рассмотреть, но каждое лицо, на котором останавливался мой взгляд, казалось мне замечательным, и я с трудом отрывал взгляд от него.

— Нет, Левушка, и не пробуй сразу разглядеть все и всех, — услышал я смеющийся голос И. — Здесь более ста человек, ты их узнаешь постепенно.

Кушай, осмотри свой прибор и сосчитай хотя бы тех, кто сидит с нами за одним столом.

Я вздохнул, поняв, как далеко мне до И., который мог видеть сразу сотню людей и в несколько минут определить полную характеристику каждого; мог каждому сказать именно то, что ему нужно, и поддержать в каждом энергию одним словом или взглядом.

Меня уже не поражали эти свойства в И. Я их достаточно видел во Флорентийце и Ананде. Меня что-то поражало в этом переполненном людьми зале, которых я видел за последнее время так много. Было здесь что-то особенное, чего я еще нигде не наблюдал. И это

«что-то» относилось не к внешнему своеобразию самого зала, а к людям в нем, к внутренней стороне, к не бросавшейся ничем в глаза, но остро чувствовавшейся духовной культуре. Я воспринимал сейчас эту толпу людей совершенно по-другому. Здесь нельзя было себе представить, что вдруг в каком-либо углу зала прозвучит резкий выкрик, саркастический смех, злобная фраза...

И. снова отвлек мое внимание и заставил меня есть, говоря, что тележка приедет скоро снова, а я отстаю. Я стал есть, не сознавая, что я ем, посмотрел на салфетку и обомлел. На моей салфетке было чудесное золотое кольцо с именем Али, выложенным из мелких зеленых камней и белых жемчужин.

— Ведь я говорил тебе: посмотри поближе к себе, — сказал мне И., снова улыбнувшись моей невероятной рассеянности.

Я захотел узнать, какое кольцо у И., и еще раз обомлел. На его салфетке было кольцо из простого белого дерева, на котором из белого коралла была надпись: «Али». Дальше шла надпись на неизвестном мне языке.

— Когда я ехал с Флорентийцем из К., — сказал я И., — я не понимал ни слова из того, что он говорил туземцам. Я был все время тогда раздражен и расстроен. И я дал себе слово изучить этот язык, непонимание которого доводило меня до исступления. Я ничего еще не сделал, чтобы выполнить свой первый обет. Тем не менее я даю второй обет: узнать язык, на котором сделана надпись на вашем кольце, И. Я потерял способность раздражаться, меня не угнетает мое невежество. Пожалуй, в моем теперешнем самообладании я еще яснее ее вижу, мою невежественность. Поможете ли вы мне, И., выполнить мои два обета?

— Охотно, друг. Только, пожалуйста, не давай больше скоропалительных обетов, а то, пожалуй, тебе придется прожить здесь, в Общине Али, годы и годы. А я привез тебя сюда только на короткий срок, чтобы ты мог подготовиться здесь к дальнейшей жизни подле Флорентийца.

— Община Али? — совершенно изумленный, спросил я.

— Да, но все это я расскажу тебе после. Сейчас кушай, смотри, отвечай на вопросы, хотя, думаю, никто ни о чем тебя не спросит.

Так, прислушиваясь к разговорам за нашим столом, я стал внимательно рассматривать своих ближайших соседей. Я прикоснулся к цветам возле моего прибора и вдруг увидел среди них два небольших конверта. На каждом из них стояло мое имя. Я сразу узнал крупный, четкий почерк Али-старшего и не менее четкий, но гораздо более мелкий и женственный почерк Али-молодого.

Вместе с огромной радостью на меня нахлынула целая туча воспоминаний. Я вновь переживал пир у Али, разлуку с братом, встречу с Флорентийцем и отдельные эпизоды путешествия с ним. Любовь к брату была все такой же сильной в моем сердце; но сейчас в моей памяти преобладающей нотой звучала не скорбь о разлуке с ним, а радость за него, радость, что он счастлив, в безопасности и живет подле Флорентийца. Я думал об Али-старшем с большой благодарностью не только за то, что сейчас сидел под его кровом, но и за то, как много он сделал для брата, как, в сущности, оба мы были обязаны ему всем.

И вдруг я снова ощутил знакомое мне содрогание во всем организме. Мне показалось, что я вижу Али стоящим у круглого окна вдали. Вижу его прожигающие очи и слышу сильную, четкую речь:

— Учись, Левушка. Первой задачей стоит перед тобой полное самообладание, второй — бесстрашие и третьей — такт. Приобретя эти качества, ты можешь снова выйти в мир для труда и служения людям. И. поможет тебе, я приму тебя в круг моих сотрудников.

Али исчез. Мне показалось, что стало значительно темнее в комнате. Я опомнился потому, что И. заботливо помогал мне встать со стула. Я давно не впадал в болезненное состояние иллюзорных видений, считал себя совсем выздоровевшим от них и сейчас совершенно расстроился, поняв, как я еще мало окреп.

Все вставали со своих мест, очевидно, ужин был окончен. Повинуясь руке И., я также встал с места и увидел перед собой Кастанду.

— Вы, вероятно, очень устали от дороги и жары, Левушка, я пришлю вам ваши цветы на балкон.

А письма вы, конечно, захотите взять с собой сейчас же, — подавая мне конверты, сказал Кастанда.

Я поблагодарил, взял оба письма, хотел взять и кольцо, но И. сказал, что кольцо мы рассмотрим завтра при дневном свете. Он познакомил меня с некоторыми из подходивших к нему друзей. Но я был как в тумане и едва различал лица, за минуту до этого казавшиеся мне такими значительными. Мы вышли в сад. Я в первый раз мог наблюдать яркое небо на громадном просторе, но сил у меня было так мало, что я попросил И. сесть на первую попавшуюся скамью. Я приник к И. От него бежала ко мне живительная энергия. Я постепенно успокоился и почувствовал, что сердце мое бьется ровно. Я сказал, что хочу пойти к себе и прочесть письма обоих Али.

— Скоро, гораздо скорее, чем ты думаешь, Левушка, ты научишься владеть собою и будешь слушать речь друзей на огромном расстоянии без всякого напряжения, — ласково говорил И., провожая меня домой.

Из всего окружающего меня сейчас я мог только в одном дать себе отчет: тишина ночи отвечала тишине во мне. По дорожкам сада двигались темные тени группами, парами, в одиночку. И снова, сталкиваясь с людьми, шедшими нам навстречу, я чувствовал, как в обеденном зале, что от них льется доброжелательство. В чем оно выражалось и как я мог его ощущать, я не знал. Но был определенно уверен, что здесь никто меня не судит, не разбирает по статьям, а очень просто и любовно принимает в свое общество.

И. вел меня какими-то дальними путями, я понял, что он хотел мне дать возможность совсем прийти в себя. Мне стало вдруг даже смешно: неужели И. думает, что я прежний Левушка, что в какой-либо щели моего существа могло засесть раздражение?

— Мой дорогой И., я уже давно способен читать мои письма; голова моя в полном порядке. Неужели вы можете предполагать, что я сегодня был раздражен? Я уже забыл, как это делается, — весело заглянул я в лицо при ярко горевших звездах.

Я знаю, что для тебя стало невозможным раздражаться, Левушка, и если я так долго вожу тебя по саду, то только для того, чтобы

в первую же ночь, как ты войдешь в здешний дом Али, ты вошел в полное равновесие сил и чувств. Мы в Общине Али. Каждый из нас, придя сюда, уже прошел крестный путь жизни. Но не каждый прошедший его мог дойти до этого дома. Здесь ты увидишь только тех, кто просветлен в своем страдании, кто понял, принял и благословил свои обстоятельства, кто захотел жить, служа человечеству, думая об общем благе.

Входя сегодня в этот дом, подумай, мой дорогой мальчик, обо всех, кого ты оставил в Константинополе. Обо всех, кто сейчас вокруг Ананды и Флорентийца, а также вспомни сэра Уоми и всех, кто с нами был и ушел утешенным и обрадованным. Оба Али будут говорить с тобою в письмах; благослови день встречи с ними. Сбрось всю тяжесть прежней скорби и недоразумений с себя.

Войди под новый кров Али свободным, легким и радостным. Не думай, что сулит тебе «завтра». Но заверши свое «сегодня» такой полнотой чувств, чтобы весь твой организм мог воспринять слова, что пишет тебе Али-старший.

Мы вошли в дом, поднялись к себе, и я простился с И., чтобы наедине прочесть письмо Али, чудесное лицо которого я так недавно видел глядящим на меня из эфира в круглом окне.

«Друг, брат и милый сын!

Нет расстояния и условного разъединения для тех, чье сердце горит неугасимой любовью. Нет смерти для тех, чье сознание раскрыло человеку его живую Вечность, которую он в себе носит.

Сегодня ты вступил в мой дом на Востоке. Вступи в него не гостем, не другом, но равноправным членом моей семьи. Все, кого ты там встретишь, — твои братья и сестры, идущие путем труда и совершенствования. Тебе дано больше, чем многим из них. Ты обладаешь силой видеть и слышать в любую минуту и меня, и Флорентийца, и Ананду, и сэра Уоми. И. поведет тебя, постоянно помогая развитию твоих психических сил, к высшей ступени знания. Ты будешь владеть силами в себе и вовне.

Что нужно от тебя, чтобы дело шло успешно и развернуло в тебе все силы творческого духа? Нужна твоя верность. Что такое

верность ученика своему Учителю? Это единение вечное с его трудом и путями. Если ты выразишь героическое напряжение сил и мыслей, ты сольешься с бурным пламенем творчества твоих Учителей. И Вечность раскроет в тебе все твои таланты. Но верность твоя — единственный ключ ко всему знанию.

Живи легко, бесстрашно и свободно. Кто не сумеет так жить свой день, для тех знание закрыто, хотя бы они даже переступили порог Общины. Можно жить среди совершенных людей — и все же видеть только их внешние манеры. Можно жить среди таких же, как ты сам, несовершенных, но стремящихся к радости совершенства людей и видеть в них каплю огня Вечности. И тогда ты будешь стремиться не потревожить ничем этой капли огня в другом человеке, а принести ей помощь, чтобы она могла легче и проще, выше и веселее превращаться из капли в костер. Повторяю: ключ к такому пути ни Община, ни люди, ни природа с ее красотой никому не предоставят. Ключ — в тебе самом, в твоей верности.

Нет никаких “особых” знаний, которые раскрываются человеку упорством воли, в каких-то особо избранных местах, по особым ритуалам. Этими делами занимаются темные оккультисты. Знания их, приобретенные этим путем, ничтожны, в чем ты уже имел возможность убедиться. Но соблазн, который они вносят в мир, язвы, которые они оставляют в сердцах, страшны и разрушительны среди людей невежественных. Действуя на эгоистические страсти, темные оккультисты вербуют себе войско, сжигая в человеке волю к добру своим тяжелым гипнозом.

Та Община, где ты сейчас живешь, — это спасительная сеть, где куются бойцы для борьбы со злом, с награвлением, с разжигающими страстями. Здесь закаляются сердца тех, кто хочет жить для общего блага, для мира и радости людей.

Знание — двигатель жизни, и радость — масло для него. С той минуты, как ты вошел под кров моей Общины, осознай новый порядок вещей и пойми в нем новый подарок, который тебе дала Великая Жизнь.

Перед тобой период в целых семь лет абсолютной раскрепощенности от всех забот практической жизни. В полной

освобожденности от бытовых тягот осознай свою величайшую внутреннюю свободу. Осознай, что твое “Я”, освобожденное от страстей, может сдвигать горы, если верность твоя цельна до конца, и никакие сомнения и страхи не могут пробить в ней брешь.

Прими, друг, бодрое пожатие моей руки и иди по жизни в простой доброте. Как только доброта твоя станет ежедневным, привычным двигателем твоей жизни, ты каждую встречу сумеешь начать и кончить в радости и мире. Верь мне: все, чего должен достичь человек в своих встречах, — это начать и кончить каждую из них в мире, милосердии и доброте.

Время — семь лет, о которых я упомянул, что кажутся тебе сейчас целой вечностью, — мелькнет как одно мгновение, и, покидая гостеприимный кров Общины, ты будешь сам себя уверять, что еще не чувствуешь себя в силах идти в практическую жизнь, чтобы строить людям пути к общему благу и миру.

Но... каждому — его момент современности, его момент творчества, его момент развития и действия героических сил. Кто спешит — не достигает. Кто отстает и медлит — находит смерть.

Мужайся, друг. Ты хорошо начал свой путь — продолжай его так же. Если в минуту разлада ты будешь нуждаться в моей помощи, крепко и уверенно думай обо мне, зови имя мое “Али”, и я отвечу тебе немедленно. Прими мой привет и мир.

Твой друг Али Мохаммед»

Я потушил лампу, взял в руки письмо и вышел на балкон. Ночь, тихая, темная, с небом, усеянным звездами, окружала меня. Огромные пальмы едва вырисовывались волшебными контурами. Неведомые мне звуки этой ночи, какие-то шорохи, точно вздохи, очень отдаленный звук свирели, аромат роз и гвоздик... Все слилось в какое-то кольцо еще неиспытанных спокойствия и блаженства.

Гармония царила в этой ночи и захватила меня. Я перестал чувствовать себя отдельным существом и ощущал радость бытия,

счастье жить в этом очаровании Вселенной, живой частью которой я себя сознавал.

Прижав письмо к губам, я благодарил Али за все его благодеяния мне и брату. Я прочел письмо еще раз не глазами и умом, но сердцем. Любовь моя к нему пролилась горячей волной, раскрыв мне великую мощь Али. Я увидел еще один аспект, аспект любви, в фигуре моего высокого друга. И я захотел приблизиться к знанию, чтобы приблизиться к нему. Я так долго простоял на балконе, что звезды стали меркнуть, восток зарозовел. Я вспомнил о письме Али-молодого и поспешил в комнату. Волшебная картина пробуждающейся жизни заставила меня отдернуть занавеси. Я распахнул одно за другим все окна настежь и стал наблюдать, как из-за горного хребта выплывала красная полоса, становясь все шире и ярче. Внезапно высочил краешек солнца, и я едва удержал крик восторга. Весь горный хребет с белыми вершинами, облитый розовым светом, открывался на дальнем горизонте. И до самого хребта тянулась широчайшая долина с живописными селеньями, переплетающимися садами, полянами и лесами. Я только тогда отошел от окна, когда увидел садовников, выходявших из дальних построек Общины.

Одновременно во многих местах дома началась жизнь. Я видел, как фигуры в белом с мохнатыми полотенцами на плечах шли купаться к горной речке. Я сел в кресло и стал читать второе письмо.

«Мой дорогой Левушка, мой милый брат», — писал своим мелким и необычайно красивым почерком молодой Али. Глядя на этот характерный почерк, я особенно ярко представил себе Али. Я вспомнил его в первые минуты встречи, когда он, не видя нас, высаживал из коляски ворчливую тетку и украдкой улыбался Наль.

Я видел его в индусской одежде на даче у дяди Али. Я вспомнил его и в ту минуту, когда Наль дала цветок брату Николаю... Как должен был тогда страдать этот человек, даже буквы почерка которого ложились ровной лентой, как гармонично сплетенное кружево. Какая стойкость воли и должна была жить в этом гармоничном существе, чтобы после смертельного удара вновь жить полной жизнью, улыбаться и радоваться. Сейчас для меня было

ясно, что именно в тот момент, когда Наль подала цветок не ему, а брату Николаю, Али умер. Умер беззаботный, влюбленный Али, умер жених, мечтавший о любви и семье, и остался жить новый человек, воин, строитель жизни, подле Али-старшего, уже навек забывший о себе.

Я не спрашивал себя сейчас: «Зачем столько страданий в мире?» Я знал теперь, зачем они, знал, что через них люди идут к знанию и на препятствиях растут и закаляются. Я снова стал читать письмо.

«Передо мной мелькает вся твоя тревожная жизнь последних месяцев. Не раз сжималось мое сердце за все твои муки, и я хотел бы обменяться с тобой ролями и взять на себя твой подвиг, предоставив тебе спокойную жизнь подле дяди Али. Но... пусть себе не выберешь. Путь стелется там и так, как сам человек его соткал.

В письме не передашь всего, что хотелось бы излить из сердца. Да и слова наши малы для того огромного, чем я хотел бы поделиться с тобой. Одно мне необходимо тебе сказать: не печалься ни обо мне, ни о твоём брате.

Видишь ли, цель жизни на Земле — освобождение через труд. Но мы так созданы, что, приходя на Землю, приносим и растим в себе такое количество страстей и предрассудков, которые опутывают нас, как цепкие лианы. И чем прекраснее цветы наших иллюзорных лиан, тем яростнее мы к ним привязываемся и за ними гоняемся. Когда ж настает момент нашего внутреннего созревания, нам приходится разрывать цепи иллюзий. И если цепи глубоко вросли в наше сердце, то в тот момент, когда мы их вырываем, мы умираем. Умираем иногда целыми частями своего существа, чтобы на месте связывавших нас страстей выростала радость освобождения.

Не могу тебе сказать, чтобы я завоевывал свои ступени роста и освобождения легко и просто. Я уже много раз умирал под вцепившимися в меня лианами страстей и много раз снова оживал, всегда благословляя Жизнь за посланный ею урок освобождения.

Содержание

<i>Глава I.</i> Приезд в имение Али. Первые впечатления и встречи первого дня	3
<i>Глава II.</i> Второй день в Общине. Мы навещаем карлика. Подарки араба. Франциск	42
<i>Глава III.</i> Простой день Франциска и мое сближение с ним. Злые карлики, борьба с ними и их раскрепощение	82
<i>Глава IV.</i> Я знакожлюсь еще со многими домами Общины. Оранжевый домик. Кого я в нем видел и что было в нем ...	102
<i>Глава V.</i> Мое счастье нового знания и три встречи в нем	141
<i>Глава VI.</i> Франциск и карлики. Мое новое отношение к вещам и людям. Записная книжка моего брата Николая	166
<i>Глава VII.</i> Записная книжка моего брата	184
<i>Глава VIII.</i> Обычная ночь Общины и что я видел в ней. Вторая запись брата Николая. Мое бессилие перед «быть» и «становиться». Беседа с Франциском и его письма	202
<i>Глава IX.</i> Третья запись брата Николая	223
<i>Глава X.</i> Ночное посещение новых мест Общины с Франциском. Новые люди и мои новые встречи-уроки ...	250
<i>Глава XI.</i> И. принимает ученого. Аннинов и Беата Скальради. Наставление мне и Бронскому	281
<i>Глава XII.</i> Мы читаем книгу в комнате Али. Древняя сказка ...	317
<i>Глава XIII.</i> Беседа с И. Мы продолжаем читать сказку. Отъезд Беаты и последнее напутствие ей И. и Франциска ...	346
<i>Глава XIV.</i> Мои размышления о новой жизни Беаты. Мы кончаем чтение древней книги. Профессор Зальцман ...	381
<i>Глава XV.</i> Первые опыты новой жизни профессора. Его беседа с И. Сцены из его прошлых жизней. Франциск и еще раз карлики ...	413
<i>Глава XVI.</i> Я читаю маленькую книжку Герде. Наш отъезд из Общины. Первый день путешествия по пустыне. Оазис и встречи в нем. Ночь, проведенная у костра. Прощание И. с профессором. Последние его наставления ученому	447